Совесть. Г. Мартенсен знаменитый Датский богослов, епископ Зеландский

Если бы грех не вошёл в мир, то отношение закона к человеческому сознанию и в то же время к совести было бы совершенно различно от того, каково оно теперь. Тогда совесть была бы спокойным сознанием того, что наша жизнь есть поступательная жизнь в Боге, в которой требования закона и исполнения закона ритмически следуют друг за другом, в которой совесть существовала бы сокровенно, не проявляясь, и таким образом не было бы и вопроса о совести, как таковой. Теперь это бесспорно служит также доказательством того, что наша жизнь коренится в Боге, в то же время доказывая, что она есть жизнь вне Бога, каковое положение ненормально. И чем более мы познаём самих себя, тем более мы получаем возможность замечать реакцию нашей высшей природы в совести, не получающей должного себе положения, и того священного авторитета, который мы оскорбили, и который является верховной силой бытия. Это в особенности верно в отношении выдающейся злой совести после совершения преступления, когда она проявляется в сильных реакциях, которые в самых зачерствелых преступниках часто могут проявляться с необычайной силой. Как бы ни различно было выражение злой совести, в ней всегда оказывается два главных момента. Так, в злой совести есть внутренняя тревога и беспокойство, угнетённость и тоскливость (angustiae) уже в настоящем. Ещё более замечается в ней тяжёлое опасение за будущее. Нарушенные требования закона обрушиваются на злую совесть как тяжёлое бремя, которое буквально отягчает душу и ставит волю в положение,

подобное положению человека, которому не хватает воздуха. И не только чувствуется бремя, но также и внутреннее угрызение (flagellum), преследующее преступника, подобно дикому зверю, как это мы и видим в примере Каина, который, будучи беглецом и странником на земле, напрасно старался убежать от самого себя и того обвинения, которое раздавалось из глубины его существа, будучи в то же время его самообвинением. Как преступник имеет мстителя позади себя в глубочайших убежищах своего сердца, так равным образом он имеет мстителя и впереди себя, так что нарушенные требования закона непрестанно чудесным образом предносятся ему в форме совершённого преступления. И подобно тому, как добрая совесть не только имеет внутренний мир в настоящем, но и всегда сопутствуется блаженным предвосхищением будущего, даже если бы настояния обстоятельства были довольно мрачны, так равным образом и злая совесть не просто имеет внутреннюю бедственность в настоящем, не только преследуется ужасными воспоминаниями, но и трепещет от предчувствия себе бед в будущем, когда даже с внешней стороны оно окружено средствами и возможностью наслаждения. В совести существует более или менее ясное сознание, что законодательная и судящая сила есть в то же время исполнительная, т. е. приводящая приговоры в исполнение. Хотя праведный суд Божий уже исполняется во внутренних угрызениях совести, тем не менее, кроме этого, есть и убеждение, что последствия закона, долга и ответственности должны быть вполне приведены в исполнение, или что возмездие должно осуществиться с внешними и внутренними данными, виной и судьбой, внешними обстоятельствами и личным достоинством. Как бы преступник ни расположен был смотреть на природу и ход жизни в мире, как на безразличные для совести и законов нравственности, смотреть на закон, как на нечто просто субъективное, на укор совести, как на детское воображение и призраки, не имеющие ничего общего с действительностью; сколько бы явлений ни показывало, что закон и совесть лишены всякого объективного подтверждения в ходе мира, который, по-видимому, даже часто издевается над ними и продолжает идти своим собственным путём, — тем не менее в глубине совести продолжает оставаться тайное убеждение, что нравственное управление миром осуществляется самым ходом мира, — что всемогущество всегда оказывается на стороне справедливости, хотя бы на время это и могло представляться иначе.

И хотя это убеждение попирается ногами со стороны закоснелого человека, однако же, оно невольно вторгается преступнику в его сновидениях, как это было с Ричардом III в ночь перед битвой. Оно проявляется так часто, что преступник трепещет в уединении, устрашается шелестом листьев, воображает, что мстители готовы внезапно обрушиться на него, повлечь на него бедствия, что перед ним вдруг предстанет какой-нибудь посланник из «тайного совета», как это мы и видим уже в Каине, который боялся, чтобы кто-либо, встретившийся с ним, не убил его. Он знал, что против него стояла не только святость, но и всемогущество.

Если поэтому функциями совести мы назвали воспоминания и обязательство, суд и внутреннюю награду или наказание, то к ним мы должны присоединить ещё предостережение или угрозу будущим возмездием. Здесь именно впервые совесть и свидетельствует о нашей зависимости от Бога и Его святого закона, именно свидетельствует о безусловном значении того закона в Его управлении миром, что Бог будет награждать ищущих Его и воздаст каждому по делам его (Евр. 11:6; Рим. 2:6). И так как совесть есть сознание вечности, то её угрозы относятся не только к настоящей жизни (в которой даже и язычников она часто предостерегала мстящей Немезидой),

но также и в будущей жизни. Как ни несовершенно было у язычников понятие о Боге, они всё-таки чувствовали увещания касательно будущей жизни.

Это можно видеть, например, из того замечательного места в начале «Республики» Платона, где старый Кефал, выражая свой взгляд на старость, говорит между прочим: «Ты должен знать, Сократ, что, когда человек думает, что к нему приблизилась смерть, в нём пробуждаются страх и опасение, которые были чужды ему раньше. Известные предания о подземных странах, где каждый должен будет претерпеть наказание за совершённые им в течение этой жизни неправды, и которые он раньше считал нелепыми, начинают беспокоить его душу, как будто бы они действительно истинны, и он теперь сам бросает более глубокий взгляд на тот мир от слабости ли старческого возраста, или потому, что он теперь сделался ближе к нему. Полный страха и тревоги он начинает размышлять и исследовать, не сделал ли он какого-нибудь зла. Тот, кто находит в своей жизни много прегрешений, постоянно находится в страхе, прогоняющем от него сон, трепещет подобно ребёнку и проводит свою жизнь в скорбных предчувствиях; между тем как с другой стороны, тот, кто не сознает никакой за собой вины, всегда сопровождается радостной и прекрасной надеждой, которая, как говорит Пиндар, есть кормилица старости».

Этому описываемому здесь страху за будущее мы не можем указать никакого другого места в душе, кроме совести. Это именно и есть предостерегающая совесть, которая, как сознание вечности, пробуждает мысли касательно возмездия и опасения за будущее у тех, которые раньше издевались над сказаниями о подземных местах. С другой стороны, радостная надежда и ожидания возникают из доброй совести.

В пророческом предвозвещении имеющего наступить возмездия совесть тесно связывается с другой формой личного сознания человеком вечности, которая, однако же принадлежит также человеку и вне христианства, и которая есть постулат для восприятия Евангелия. Мы разумеем глубокое стремление, которое с самого начала существует в сердце человека к высшему добру, и которое в своей сущности есть любящее стремление к Богу и царству Божьему, к блаженству в совершенной гармонии мира, где заканчиваются все противоречия бытия. От каждого из этих исходных пунктов путь ведёт к Богу. Они взаимно подтверждают друг друга, и их линии сходятся между собой. Совесть свидетельствует касательно царства святости и праведности; но, выражая убеждение в будущем возмездии, она в то же время с большей или меньшей ясностью заявляет, что царство святости есть в то же время и царство блаженства. Стремление к высшему благу, превосходящему все относительные блага земли, есть доказательство того, что для человека должно существовать царство блаженства, хотя и остаётся неопределённым, будет ли оно дано по заслуге, или по благодати. Быть может, есть нечто среднее, чем лучше всего и может быть объяснено это. Но блаженство, когда оно не смешивается с земным счастьем, не может быть представлено без святости, без личного совершенства человека в гармонии с законом Божьим и своим собственным существом. То и другое стоит в тесной связи с эсхатологической идеей, содержание которой впервые открыто как святое и блаженное царство любви, пришествие и завершение которого обусловливается судом над живыми и мёртвыми.

На своём пути к Богу некоторые люди берут своим исходным пунктом по преимуществу совесть и долг, другие — тоскливое желание любви. Но эти два пути скоро и неизбежно сливаются в один. Человек долга и совести и человек тоскливого желания суть не два различных человека, но один

и тот же, созданный в зависимости от Бога, чувствующий свою нужду в Нём и ищущий в Нём своего совершенства.

Но если сущность совести заключается в свидетельстве касательно нашей зависимости от святой воли Творца через закон Божий и управление мира, то как объяснить, что проявления совести столь различны в различные века и среди различных народов, столь различны у отдельных современных между собою лиц, что часто совершенно противоположные друг другу вещи допускаются или признаются совестью? что часто самые страшные преступления совершаются под прикрытием авторитета совести, часто самые пустые и ничтожные вещи, как, например, пышный церемониал, вводятся с санкцией совести? Самый ближайший ответ на это заключается в том, что совесть не есть с самого начала совершенный орган, но рассматриваемая со своей субъективной стороны — она требует развития, образования и воспитания и может развиваться только в единении со всем нравственным существом человека и, следовательно, в связи с другими способностями души. Развитие способности в особенности обусловливается развитием знания, вследствие чего мы и говорим обыкновенно о совести в связи с разумом. «Без разума совесть слепа; без совести разум холоден и бледен».

Поэтому человеческие мысли и рассуждения о законе и его приложении к отдельным случаям выступают перед судилищем совести, обвиняя и оправдывая друг друга (Рим. 2:15). Тем не менее, развитие совести обусловливается не только знанием, но также и волей, которая в отличие от знания и даже вопреки ему в течение всей истории оказывала сдерживающее, тормозящее влияние на воспитание совести. В человеческой воле заключается естественное нерасположение образовывать и изощрять совесть в связи со знанием закона; она не имеет никакого желания смотреться в это зеркало, и люди обыкновенно хотят иметь совершенно различное изображение самих себя от того, которое показывает им совесть. Этот общеизвестный опыт подтверждается сообщением, даваемым Св. Писанием касательно несовершенства и ненормальности явлений совести; именно, что эти последние должны быть объясняемы тем обстоятельством, что человек через грех лишился общения с Богом, и что таким образом вторглось негармоническое отношение между способностями души, что восприятие Божественного затемнилось, что воля получила предрасположение предпочитать себя и мир Богу и царству Божьему. Апостол изображает перед нами (в 1 главе послания к Римлянам) этот процесс помрачения в языческом мире, говоря, что хотя язычники обладали знанием Бога, но они не почитали Его как Бога и не считали достойным своего внимания сохранять знание о Боге (они чтили свою собственную, в своём безумии измышлённую мудрость), вследствие чего и впали в полную неосмысленность. Тем не менее, он допускает, что даже при таком испорченном состоянии были люди, у которых дела закона были написаны на сердцах их, при этом против них свидетельствовала совесть, и мысли их обвиняли или же оправдывали одна другую.

Отсюда мы утверждаем, что совесть не со своей Божественной, а со своей человеческой стороны может заблуждаться, что она часто требует исправления и просвещения и всегда должна быть воспитываема. Совесть может притупиться и нуждаться в изощрении; она может задремать и нуждаться в пробуждении; она может сузиться, может ограничиться слишком узкой сферой, так что значительные области человеческой жизни, которые должны бы определяться ею, всецело выходят за пределы её ведения. Но одно общее всем явлениям совести: как бы ни различны были воззрения человека на содержание закона, тем не менее все они имеют сознание высшего

закона для своей воли, закона, который они установили не сами, и который обязателен для всех. Как бы ни различно они смотрели на нравственное управление миром, однако же все те, кто не впал в полное скотоподобие, и где начала образовываться человеческая общественная жизнь, имеют сознание того, что есть высшее невидимое управление, которое стоит выше их воли. И как бы затем ни различны были религиозные мнения, однако же все имеют сознание невидимого авторитета, который обязателен для их воли, от требования которого они не смеют уклониться, хотя бы они и часто противодействовали тому, что они должны бы были делать. В этом именно совесть обнаруживает свою объективную силу. Даже при величайшем помрачении души в ней продолжает оставаться свет, который сияет во тьме, и тьма не обнимает его. Где она помрачилась как сознание, она продолжает действовать как побуждение, как высшая естественная сила, которая и в своих внушениях, и в своих противодействиях настойчиво предъявляется человеку, как сила всецело различного свойства от той, которая исходит из побуждений земных.

Совесть проявляется не только в отдельных лицах, но и в обществе. Что есть не только совесть индивидуальная, но и совесть общественная, это основывается на том, что человеческие личности не просто личные атомы, которые имеют свои индивидуальные обязанности, но и органически связаны в общественное целое, где в отношении к общественным обязанностям они солидарно связаны между собою (один за всех и все за одного) и таким образом имеют общую ответственность, и все вместе подлежат одному и тому же суду. Подобно тому, как есть исторические предназначения, принадлежащие целому народу и сознаваемые целым народом именно в смысле общего предназначения, отличного от отдельного предназначения каждого, так равным образом есть и общее обязательство, ответственность, виновность, хотя они не одинаково падают на всех, а на каждого сообразно с его особым призванием и положением в обществе, при этом однако же все ответственны вообще. Как совесть есть страж отдельной личности, так она есть то же самое и в отношении к обществу, как общей личности. Общественная совесть не должна быть смешиваема с общественным мнением, которое часто может быть без совести и во многих случаях может показывать, что совесть народа находится в дремлющем состоянии. Но где общественная совесть бодра и жива, она заявляет о себе также и через общественное мнение. Она часто находится в связи с более глубоким, нижним током общественного мнения, идущим в противоположном направлении, представляя тайное сознание, что то, что дерзко выставляется как общественное мнение и распространяется как такое его органами, есть ложь и обман, — спокойное свидетельство, что эти органы суть ложные пророки, идеалы которых суть только идолы, и тот путь, которым идёт общество, не есть путь истины и не ведёт к миру. Её движения обнаруживаются во внутреннем беспокойстве, тревоге, которые преобладают в народе, даже хотя поверхность и показывала бы нечто совершенно противоположное. Часто это спокойное свидетельство не имеет возможности проявиться в положительной реакции; однако же история показывает, что совесть может пробуждаться также и в целом народе, может низвергать ложные авторитеты, может пробуждать народ воспрянуть от неверия и мирского образа мыслей, от заносчивых суетных иллюзий и в покаянии возвратиться к покинутым алтарям и опять преобразиться на основе праведности. То обстоятельство, что целый народ может предписывать себе дни поста, в которые он, как народ, признаёт свой грех и свою виновность и смиряется перед Богом, или то обстоятельство, что общественные голоса могут могущественно восставать против вводимых в общество соблазнов, суть знаменательные

доказательства действительного существования общественной совести. Она проявляется не просто, как судящая, но и как увещевающая, и говорит тогда через посредство отдельных личностей, как через пророческие голоса в обществе, которые однако же, как показывает история, нередко имеют судьбу Кассандры, когда никто не верит их предостережениям и предсказаниям, пока не настанет самое исполнение, водворяя всеобщее уныние. Развитие общественной совести, её чистота и сила зависят от общего нравственного и религиозного знания общества и от восприимчивости общей воли к нравственным побуждениям. Что мысли взаимно обвиняют и оправдывают друг друга, это обнаруживается видимым образом, когда при общественном бедствии партии взаимно стараются свалить вину от себя на другую сторону, стараясь оправдаться перед судом общественной совести, хотя во все века есть и такие, которые высшей своей целью ставят обелить себя в общественном мнении. Как бы ни различны или несовершенны были проявления общественной совести, её существование заключает в себе солидарную обязательность, которая предполагает общность в обычаях и преданиях, общность законов, общность религии, как высшего обязательного авторитета. Где общество расстроено, и связи порваны, где обычаи не имеют более исправляющей силы, а с безнаказанностью нарушаются без всякого противодействия со стороны общественного мнения, где законы составляются бессмысленно и произвольно, не внушая к себе уважения своей внутренней необходимостью, где религия перестаёт интересовать общество и рассматривается лишь как частное дело отдельных личностей, где религиозные убеждения рассматриваются только как «различные взгляды», не имеющие никакого влияния на общественную жизнь, — там общественная совесть живёт только в некоторых отдельных лицах, которым остаётся со скорбью наблюдать за разложением общества, когда в большей части народа уже потух озаряющий и согревающий его свет.

Перевод профессора А. П. Лопухина

Комментарии
